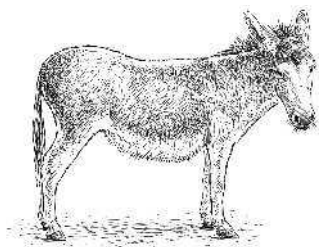

**анна
гавальда**

**anna
gavalda**

billie

анна гавальда

билли

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г12

Anna Gavalda

Billie

Печатается с разрешения издательства Éditions Le Dilettante
и литературного агентства Anastasia Lester.

Перевод с французского *Татьяны Поздней*

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Гавальда, Анна.

Г12 Билли : [роман] / Анна Гавальда ; [пер. с фр. Т. Поздней]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Современная французская проза).

ISBN 978-5-17-114704-4

Эта книга о мужестве, о дружбе, о любви. И о том кайфе, который испытываешь, когда меняешь первоначальный расклад.

Двое подростков из провинциального захолустного городка имели все шансы обеспечить себе самую что ни на есть найдерьмовейшую жизнь: Билли росла в нищей и пьющей семье, над Франком измывались, потому что он был не такой, как все.

Но однажды по воле жребия им выпало вместе разучивать сценку из пьесы Альфреда де Мюссе «С любовью не шутят». С этого момента и начинается история одной большой любви, благодаря которой два гадких утенка, поддерживая друг друга и неустанно напоминая друг другу о том, что оба они красивы, взрослеют и превращаются в прекрасных лебедей.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-114704-4

© Éditions Le Dilettante, Paris, 2014
© Поздняя Т., перевод, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Всем «подпольщикам» посвящается

Мы злобно переглянулись. Должно быть, он думал, что именно я во всем виновата, я же считала, что это все равно не дает ему права так на меня смотреть. Ведь я уже столько глупостей натворила с тех пор, как мы с ним знакомы, и столько раз это было ему на руку, столько раз благодаря мне он веселился на славу, что с его стороны было бы просто подло упрекать меня теперь только потому, что моя очередная выходка, похоже, грозит закончиться плохо...

Черт побери, откуда я могла знать, что все так обернется?

Я плакала.

— Ну что, доигралась? Тебя мучают угрызения совести? — прошептал он, закрывая глаза. — Нет... какой же я глупец... угрызения совести — тебя!..

Он был слишком слаб, чтобы всерьез на меня сердиться. К тому же это было бессмысленно. И тут я с ним всегда соглашусь: угрызения совести — это явно не про меня, я и слов-то таких не знаю...

Мы находились на дне какой-то ущелины, или как там ее называют, в общем, в полной географической заднице. В самом низу этакой... каменистой осыпи посреди Национального парка Севенны, где не ловит мобильная связь, куда ни один баран не забредет — и уж тем более ни один пастух, — и где нас точно никто никогда не найдет. Я сильно ушибла руку, но могла ею шевелить, а вот он, судя по всему, был совсем плох.

Я всегда знала, что он мужественный человек, но тут он вновь преподносил мне урок.

В который уж раз...

Он лежал на спине. Сначала я попыталась было соорудить ему из своих ботинок нечто вроде подушки, но стоило мне приподнять ему голову, как он практически потерял сознание, так что от своей затеи я отказалась и больше его не трогала. Он тогда, кстати, впервые струсил: возомнил, что свернул себе шею, и перспектива закончить жизнь овощем настолько его ужаснула, что он несколько часов ныл, умоляя меня бросить его в этой дыре или прикончить.

Ладно. Поскольку мне нечем было аккуратно его прибить, я предложила поиграть в больничку.

Увы, мы не были с ним знакомы в том возрасте, когда играют в доктора понарошку, но я уверена, что и тогда мы не стали бы с ним засиживаться в приемной... Моя мысль его позабавила, и это было по-настоящему здорово, это единственное, что мне хотелось бы забрать с собою на тот свет, в ад или куда еще, потому что такие

улыбки — слабые, едва живые, буквально вырванные из небытия — они дорогого стоят.

Все остальное, прямо скажем, можно оставить в камере хранения...

Я принялась щипать его за разные места, сначала легонько, потом сильнее. Всякий раз, когда он морщился от боли, я ликовала. Значит, мозги у него на месте и мне не придется до самой смерти катать его в инвалидной коляске. В противном случае, без проблем, я готова была разmozжить ему голову. Я достаточно сильно его любила.

— Ну что ж, кажись, все не так уж страшно... ты только повизгиваешь, значит все путем, да? На мой взгляд, ты просто сломал себе ногу, а еще бедро или таз... ну, в общем, что-то такое в этом периметре...

— М-м-м-м...

Кажется, я его не убедила. Кажется, что-то его смущало. Видимо, я не вызывала доверия без белого халата и этих дурацких трубочек на шее. Он глядел в небо, хмурил брови и мрачно причмокивал.

Я видела, в каком он состоянии, — я знала все выражения его лица, — и понимала, что остается еще один деликатный момент.

Да уж, точнее не скажешь...

— Эй, Франки, заканчивай... полный бред, глазам своим не верю... ты что, хочешь, чтоб я и его проверила на работоспособность?

— ...

— Да?

Я видела, как он изо всех сил старается сохранить приличествующий умирающему вид, но для меня проблема заключалась вовсе не в приличиях. Скорее, меня мучил вопрос эффективности. Ситуация сложилась непростая, и не могла же я рисковать с вынесением подобного приговора просто потому, что была не в его вкусе...

— Эй, я не то чтобы не хочу, слышишь? Но ты же...

Все это мне напомнило Джека Леммона в финальной сцене «Некоторые любят погорячее»¹ *. Как и у него тогда, мои аргументы подходили к концу, и мне пришлось использовать последний патрон, остававшийся у меня в обойме, лишь бы только от меня отвязались.

— Я девочка, Франк...

И тут, видите ли... если бы я сейчас представляла доклад по углубленному изучению Дружбы, такой, знаете, со всякими схемами и сравнительными таблицами, с диапроектором, маленькими бутылочками воды и прочей хренью на столах, объясняя происхождение, состав и как отличить подделку, так вот тут я остановила бы слайд-шоу и своей учительской «мышью» подчеркнула бы его ответ.

Эти три простых слова, которые он шутливо выдохнул из последних сил, с натянутой улыбкой человека, возможно обреченного на смерть, еще не знающего, суждено ли ему выжить, и не превратится ли его жизнь

* Здесь и далее цифрами отмечены примечания переводчика, вынесенные в конец книги.

в сплошное страдание, и сможет ли он еще когда-нибудь трахаться:

— Well... Nobody's perfect...*

Да, впервые в жизни я была бы стопудово уверена в себе, и пусть пеняют на себя все те, кто что-либо не понял, плохо разглядел или вообще не догоняет — им никогда не отличить искреннего друга от несчастного гея, и я ничем не смогу им помочь.

Так что теперь — потому, что это был он, и потому, что это была я², и нам все еще удавалось оставаться вместе, поддерживая друг друга на высоте даже в такие гнусные моменты, как этот, — я перелезла через него и протянула свою уцелевшую руку к низу его живота.

Я едва к нему прикоснулась.

— Послушай, — проворчал он через какое-то время, — я же не прошу тебя идти во все тяжкие, подруга... просто потрогай его, и забудем об этом.

— Я не решаюсь...

Он тяжело вздохнул.

Понятное дело, обижен. Вместе мы с ним попадали и в куда более неприятные ситуации, и я никогда особенно не церемонилась, и столько диких, грубых, скабрезных историй ему понарассказывала, что сейчас снова выглядела неубедительно...

То есть абсолютно неубедительно!

Однако я не придурилась... я действительно не решалась.

* Что ж... Никто не совершенен... (англ.)

Вот ведь никогда не знаешь наперед, где окажется та грань, за которой скрывается святое. По-прежнему сидя с протянутой рукой, я неожиданно осознала ту пропасть, что отделяла меня — со всем моим нехилым сексуальным опытом — от его пиписьки. Да я бы все пиписьки перещупала, если надо, но только не его — я в кои-то веки сама себе преподносила урок.

Я всегда знала, что обожаю его, но прежде мне никогда не выпадало случая увидеть, насколько сильно я его уважаю — что ж, теперь ответ был у меня перед глазами: вот они, эти несколько миллиметров...

Или вся безмерность моего стыда. Нашего целому-дрия.

Конечно, я понимала, что не смогу долго пребывать в этом идиотском образе застенчивой недотроги, однако сам факт сильно меня удивил. Нет, серьезно, это открытие собственной деликатности ошарашило меня не по-детски. Смушена и испугана, словно заново девочка, поди плохо! Да считай Рождество!

Ладно. Достаточно. Кончай болтать. Берись за работу, малышка...

Для начала, чтобы он расслабился, я принялась ласково барабанить пальцами вокруг его пупка, напевая «Тилибом, траляляй, хвост торчком и гуляй», но это не сильно его расслабило. Тогда я легла рядом с ним, закрыла глаза и припала губами к его... уф... ушной впадине, сосредоточилась и тихо-тихо, нет, даже еще тише, зашептала ему в ухо, возбуждающе постанывая и пуская

слюни, все то, из чего, на мой взгляд, состояли самые худшие или лучшие его фантазмы, в любом случае — самые сокровенные, при этом еле заметным движением руки, едва касаясь ногтем, лениво, небрежно и равнодушно, в общем... со знанием дела, стала медленно обводить контур его ширинки.

Наконец волосики в его ухе вздыбились от ужаса, и моя честь была спасена.

Он чертыхнулся. Он улыбнулся. Он засмеялся. Сказал, какая ты глупая. Сказал, заканчивай. Сказал, дурища. Сказал, хорош! Да прекратишь же ты наконец! Сказал, ненавижу тебя, и сказал — обожаю.

Но все это было давно. Тогда у него еще оставались силы на то, чтобы заканчивать фразы, а я и подумать не могла, что когда-нибудь буду плакать с ним рядом.

А сейчас надвигалась ночь, я замерзла, меня мучил голод, я умирала от жажды, и я сломалась, потому что не хотела, чтобы он страдал. И если бы я была честной, то тоже закончила бы свою фразу, добавив к ней «по моей вине».

Но я не честная.

Я сидела с ним рядом, прислонившись к уступу, и тихо убивалась.

Изводила сама себя горькими упреками.

Ценой немыслимого усилия, он приподнял руку и положил ее мне на колено. Я накрыла его ладонь своею и почувствовала себя еще слабее.

Мне не нравилось, что этот гнусный падальщик играл на моих чувствах. Это было нечестно.

Некоторое время спустя я спросила:

— Что это за звук?

— ...

— Ты думаешь, это волк? Думаешь, здесь водятся волки?

Поскольку он продолжал молчать, я закричала:

— Да ответь же мне, черт тебя побери! Скажи мне хоть что-нибудь! Скажи хоть «да» или «нет», скажи «Отвали!», только не оставляй одну... только не сейчас... прошу тебя...

Я взывала не к нему, нет, скорее, к самой себе. К своей глупости. К своему стыду. К бедности собственного воображения. Он никогда бы меня не бросил, и раз он молчит, значит, потерял сознание.

Впервые за долгое время его лицо не было похоже на немой упрек, и мысль о том, что ему легче, меня приободрила: ведь так или иначе, я нас отсюда вытащу, я просто обязана. Не для того мы проделали весь этот путь, чтобы закончить его безвестными героями «В диких условиях»³ в этой лозерской дыре.

Нет, черт побери, такому позору не бывать...

Я размышляла. Во-первых, ухали явно не волки, а птицы. То ли совы, то ли кто-то еще. А во-вторых, от переломов не умирают. У него не было жара, он не истекал кровью, он был обездвижен, пускай, но не в опасности. Так что в данный момент лучшее, что я могла сделать, это выспаться, чтобы набраться сил, а завтра, на рассвете, когда все это дерьмо под названием природа с новой силой обрушится на меня, я отправлюсь в путь.